

© 2010 г.

В.В. СОКОЛОВ

ГЕРМАНСКИЙ ПОСОЛ В МОСКВЕ В 1934–1941 годах Ф. ШУЛЕНБУРГ – ПРОТИВНИК ВОЙНЫ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

В преддверии Великой Победы, 65-летие которой отмечается в этом году, во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы (ВГБИЛ) имени М.И. Рудомино 22 сентября 2009 г. был проведен Международный “круглый стол”, посвященный 75-летию начала дипломатической деятельности на посту германского посла в СССР графа Ф. Шуленбурга, погибшего в 1944 г. в застенках гестапо.

Этот историко-просветительский проект был осуществлен ВГБИЛ совместно с Министерством культуры Российской Федерации, архивными учреждениями России, прежде всего Архивом внешней политики РФ, при активном участии посольства ФРГ в Москве, Политического архива и Исторической службы МИД ФРГ, Института им. Гёте, Фонда им. К. Аденауэра, Музея немецкого сопротивления (ФРГ) и Культурного фонда земель ФРГ.

В заседаниях Международного “круглого стола” приняли участие специальный представитель Президента Российской Федерации по международному культурному сотрудничеству М.Е. Швыдкой, посол Германии в России В.Ю. Шмид, генеральный директор ВГБИЛ Е.Ю. Гениева, председатель правления Германо-российского форума Э.Й. фон Штудниц, директор Института всеобщей истории РАН академик А.О. Чубарьян, российские и германские послы, и посланники в отставке, а также российские ученые.

Осуществленный ВГБИЛ историко-просветительский проект помог воскресить забытые, а порой и неизвестные факты истории советско-германских отношений, связанные с началом Второй мировой войны и общей Великой Победой союзных держав над гитлеровской тиранией.

Выступая в Польше в августе 2009 г. в “Газете Выборча” премьер-министр России В.В. Путин отметил: “Мы помним всех, кто участвовал в этой борьбе вместе с советским народом. Поляков, которые первыми встали на пути агрессора... Американцев, англичан, французов, канадцев, других бойцов “Второго фронта”, освобождавших Западную Европу. Немцев, которые, не страшась репрессий, оказывали сопротивление гитлеровскому режиму”¹. В числе таких немцев-антинацистов был и граф Фридрих Вернер фон Шуленбург.

* * *

Шуленбург родился 20 ноября 1875 г. в местечке Кемберг, где было имение его родителей, в округе Виттенберг в аристократической немецкой семье. В 1894 г., окончив гимназию в Брауншвейге, он год служил вольноопределяющимся в 9-м Потс-

Сokolov Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный посланник I класса в отставке, Почетный работник МИД РФ.

¹ Аргументы и факты, 2–8.IX.2009.

дамском полку. Юридическое образование в университетах Лозанны (Швейцария), Берлина и Мюнхена, позволило ему в 1900 г. получить степень доктора права и начать карьеру чиновника в магистрате г. Брауншвейга. Но уже в июне 1901 г. его пригласили в Берлин и предложили поступить на консульскую службу в МИД. После годичной стажировки в феврале 1903 г. Шуленбург был назначен германским вице-консулом в г. Барселоне (Испания), проработав там два года. Возвратившись в 1905 г. в МИД, он попробовал свои силы в работе юридического отдела министерства, где занимался также и кадровыми вопросами. В течение 1906 г. ему пришлось в качестве временного работника потрудиться в германских консульствах во Львове, Праге и Неаполе, пока ему не предоставили должность вице-консула в генеральном консульстве Германии в Варшаве, столице Королевства Польского, входившего тогда в состав Российской Империи. Здесь он пробыл почти пять лет.

В 1908 г. Шуленбург женился на Елизавете фон Зоббе, но брак оказался не прочным, и в 1910 г. был расторгнут. Правда, с родившейся от этого брака дочерью Христой он поддерживал всю жизнь самые добрые отношения.

В 1911 г. Шуленбург получил новое назначение и снова в Россию, став германским консулом в Тифлисе (ныне Тбилиси), где пробыл до лета 1914 г. С началом Первой мировой войны он, как представитель враждебной страны, был вынужден покинуть Россию. Будучи патриотом, он не пытался уклониться от службы в армии, став капитаном запаса в артиллерийском полку. В том же году, после битвы на Марне, его назначили командиром артиллерийской батареи.

Но вскоре судьба забросила Шуленбурга вновь на восток, на этот раз в союзную с Германией Турцию, куда он прибыл в июне 1915 г. в качестве офицера связи. Он даже участвовал в создании “Грузинского легиона” в Турции, а через некоторое время взял на себя в качестве уполномоченного германского МИД на Кавказе многие вопросы политического и дипломатического характера. Этому способствовало и заключение Россией Брестского мирного договора от 3 марта 1918 г. с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, согласно которому Россия обеспечивала в том числе “очищение провинций Восточной Анатолии и их упорядоченное возвращение Турции”².

С июня 1917 г. по январь 1919 г. Шуленбург выступает в качестве уполномоченного по делам германских консульств в Эрзеруме (Турция), а также в Бейруте и Дамаске, входивших тогда в состав бывшей Османской империи. В 1918 г. он в составе германской делегации принимал участие в переговорах с так называемым “самостоятельным” правительством Закавказья, созданном 22 апреля 1918 г. блоком социал-демократических партий, включая дашнаков и мусаватистов³.

Подписание в июне 1919 г. Версальского мирного договора, закрепившего поражение Германии в Первой мировой войне, положило начало новому этапу дипломатической деятельности Шуленбурга. Он перешел на работу в Политический департамент германского МИД, где занимался защитой германских интересов при установлении железнодорожной, телеграфной и телефонной связи через Польшу с Восточной Пруссией и Данцигом в ходе германо-польских переговоров в Женеве.

Проработав недолго в двух территориальных отделах МИД, Шуленбург 5 июля 1922 г. был назначен германским посланником в Персии (Иран). Это был важный этап в его дипломатической карьере. Он прибыл в Тегеран 18 января 1923 г., побывав проездом в Москве, где встретился с германским послом У. Брокдорфом-Ранцау и обсудил некоторые аспекты своей будущей работы, поскольку тогдашняя Советская Россия поддерживала активные связи с Персией. Ему было интересно послушать посла о порядках, которые существовали в Наркоминделе, о его беседах с наркомом Г.В. Чичериным, которые нередко проходили поздно вечером и даже ночью, о театральной жизни в Москве. Живо интересуясь делами в Советской России, он нередко во время своих частных и служебных поездок из Тегерана в Берлин выбирал маршрут через Москву.

² Документы внешней политики СССР (далее – ДВП), т. 1. М., 1957, с. 121.

³ Там же, с. 716.

В рамках журнального очерка нет возможности подробно останавливаться на деятельности Шуленбурга в Тегеране, где он проработал девять лет, равно как и на его деятельности в качестве германского посланника в Румынии в 1931–1934 гг.

Единственно, о чем можно упомянуть, что в Тегеране, он познакомился с русской красавицей эмигранткой Аллой Шубиной (Аллой фон Дуберг), которая была разведена, но, тем не менее, была вхожа во многие богатые дома. Они стали близки, он ей оказывал финансовую помощь. Но последовать за ним в Москву, будучи формально белоэмигранткой, Шубина (Дуберг) не могла. Долгие годы она оберегала его очаг в Берлине.

Предложение германского правительства возглавить посольство в России Шуленбург встретил с энтузиазмом, надеясь возобновить экономические, научные и культурные связи между двумя странами, в том числе по линии Всесоюзного общества культурных связей с заграницей, учреждений культуры и просвещения, которые резко сократились после прихода Гитлера к власти. При этом он исходил из заявления И.В. Сталина на XVII съезде ВКП(б), что “у СССР нет никаких оснований коренным образом изменять отношения с Германией”, хотя “мы далеки от того, чтобы восхищаться фашистским режимом в Германии”⁴. Однако он скоро, ознакомившись в МИД с дипломатической перепиской, убедился, что главным препятствием на пути улучшения отношений между двумя странами является именно позиция германских властей. Шуленбург, в частности, узнал о протесте советского полпреда Л.М. Хинчука, от 28 апреля 1933 г., переданного Гитлеру в ходе беседы, в котором говорилось о так называемых “отдельных акциях” в отношении граждан и учреждений СССР в Германии, например, обысках в гамбургском и лейпцигском отделениях торгпредства СССР, дискриминационных мерах в отношении акционерного общества “Дероп” и общества “Дерунафт”⁵.

Шуленбург увидел, что только за 1933 г. в МИД Германии было направлено 217 советских нот, “не считая бесчисленных устных представлений”⁶. Все это свидетельствовало о том, что его ждала непростая работа в Москве.

Шуленбург, отправляясь на новый пост, неоднократно беседовал со своими предшественниками по службе в Москве – послами Г. Дирксеном и Р. Надольным. Последний был послом менее года, оказавшись в немилости новых германских властей. Шуленбург сделал соответствующий вывод и вступил 1 октября 1934 г. в нацистскую партию, поддавшись на патриотическую пропаганду и увещевания руководства МИД. Его неоднократно приглашали на съезды и различные собрания, устраиваемые нацистами в пропагандистских целях, где ему приходилось нередко выступать. Но он все меньше доверял и сочувствовал нацистам и был в этом не одинок.

Шуленбург был знаком со многими германскими высокопоставленными военными, осуществлявшими военное сотрудничество в 20-е годы с Советской Россией и не одобрявших антироссийскую политику и пропаганду нацистов. Об этом хорошо знал и Гитлер, который учитывал этот факт биографии Шуленбурга при своих беседах с ним. Видимо неслучайно позже Гитлер называл армию как “самый ненадежный элемент в государстве, еще худший, чем МИД и юстиция”⁷. Для этого у него очевидно были веские основания. Именно военные неоднократно устраивали заговоры против Гитлера. Не был до конца искренен он и с Шуленбургом. Но все же новый германский посол в Москве пользовался определенным доверием Берлина.

Уже в своей первой беседе с наркомом иностранных дел СССР М.М. Литвиновым, состоявшейся 7 октября 1934 г., т.е. через три дня после вручения верительных грамот, Шуленбург заявил, что прибыл в Москву “имея задачей улучшение взаимоотношений

⁴ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1947, с. 436.

⁵ ДВП, т. 16. М., 1970, с. 271–274.

⁶ Там же, с. 814.

⁷ Fleischhauer I. Die Chance des Sonderfriedens. Deutsch-sowjetische Geheimgespräche. 1941–1945. Bonn, 1986, S. 21.

между двумя странами” и что это якобы соответствовало намерениям германского правительства. Конечно, нарком понимал, что сказанное послом является данью обычной дипломатической вежливости.

Тем не менее, Литвинов сказал, что заявление посла отвечает и желанию советской стороны. В этой связи нарком напомнил о российских предложениях по восстановлению доверия между двумя странами, сославшись на проект Восточного пакта, предусматривавшего создание системы коллективной безопасности в Европе, отвергнутого германским правительством⁸.

Шуленбург прибыл в Москву, когда отношения СССР с Германией все более осложнялись. Гитлер и его нацистская партия вели активнейшую антисоветскую пропаганду, стремясь запугать страны Запада “красной опасностью” и “ордами с Востока”. Но вопреки гитлеровской пропаганде в эти годы особенно быстро рос в мире авторитет Советского Союза, выразившийся в том, что СССР был принят в Лигу наций, советская экономика не подверглась разрушительному мировому экономическому кризису 1929 – 1932 гг., а также благодаря его успехам в освоении Арктики, в достижениях советской авиации. Еще в ноябре 1933 г. Соединенные Штаты признали СССР и установили с ним дипломатические отношения. За США в 1934 г. последовали Болгария, Венгрия, Румыния и Чехословакия.

Со всем этим новый германский посол не мог не считаться. В то же время, будучи выходцем из высших аристократических кругов, он не мог одобрить многое во внутривнутриполитическом и экономическом эксперименте, который осуществлялся в России. В той непростой и весьма напряженной обстановке в советско-германских отношениях он придерживался заветов “железного” канцлера Германии Отто фон Бисмарка, который призывал к установлению “добрых отношений” с Россией.

Однако статистические данные свидетельствовали о том, что после прихода Гитлера к власти торговля между двумя странами резко сократилась. Шуленбург решил поправить это дело. Используя личные связи, ему удалось после длительных переговоров добиться первого успеха – подписания 9 апреля 1935 г. советско-германского соглашения о дополнительных заказах СССР в Германии на сумму в 200 млн. марок при германском кредитном финансировании этих заказов. Соглашение было подписано министром экономики Германии Я. Шахтом и торговым представителем СССР в Берлине Д. Канделаки⁹. Этот принцип финансирования взаимной торговли неоднократно использовался затем в последующие годы.

В конце марта 1935 г. Москву посетил лорд – хранитель печати Великобритании А. Иден, ставший вскоре министром иностранных дел. Он был принят И.В. Сталиным, В.М. Молотовым и М.М. Литвиновым. Иден проинформировал о состоявшихся в Берлине англо-германских переговорах, подчеркнув, что в ходе их “Гитлер неоднократно возвращался к вопросу о советской опасности”, утверждая, что Германия является главным стражем и оплотом “европейской цивилизации”, а “поэтому ей должна быть дана возможность надлежащим образом вооружиться”¹⁰.

В этой связи в газете “Правда” от 31 марта появилась статья заместителя наркома обороны М.М. Тухачевского, в которой говорилось о растущих германских вооружениях. 4 апреля 1935 г. Шуленбург посетил Литвинова и выразил недовольство по поводу статьи Тухачевского. Он не употребил слово “протест”, отмечал нарком, но, видимо, из Берлина ему было поручено выразить именно протест, поскольку, по мнению германского правительства, цифры были якобы “абсолютно неверные”. Нарком заметил, что Тухачевский выступил открыто в печати и германское правительство имеет возможность в печати же опровергнуть эти цифры. Гитлер предпочитает “говорить с

⁸ ДВП, т. 17. М., 1971, с. 629–630.

⁹ ДВП, т. 18. М., 1973, с. 270–274.

¹⁰ Там же, с. 232.

англичанами об опасности, которую якобы представляет для Германии и всей Европы наша Красная Армия, о наших агрессивных замыслах и т.д. Это дело вкуса”¹¹.

Спустя некоторое время, нарком в телеграмме полпреду в Берлине Я.З. Сурицу 3 июня констатировал: «Гитлер продолжает бороться против всяких попыток организации коллективной безопасности, ибо в основе его политики остается, в соответствии с книгой “Моя борьба”, собирание сил и подготовка к агрессии в первую очередь в юго-восточном и восточном направлениях»¹².

Однако спустя полгода, Суриц сообщил наркому о беседе 11 декабря Шуленбурга с Гитлером. По словам Шуленбурга, Гитлер “не имеет агрессивных намерений против СССР, приветствует развитие экономических отношений с нами и что лишь ввиду осложнившейся обстановки не считает момент назревшим для политического сдвига”¹³. Конечно, Гитлер играл, говоря это послу, и сознательно его дезинформировал. А Шуленбург очень хотел услышать такие слова.

Шуленбург метался между Москвой и Берлином, принимая нередко участие в мероприятиях, организованных нацистами. Его частые поездки даже не ускользнули от внимания наркома, на что он однажды обратил внимание полпреда в Берлине А.Ф. Мерекалова¹⁴. Видимо, наркому и в голову не могло прийти, что посол в его годы тоже может иметь в Берлине свои личные привязанности.

В начале февраля 1938 г. Гитлер отстранил ряд государственных деятелей, занимавших крупные посты в министерствах и армии и находившихся в скрытой оппозиции к нацистам. Были сняты со своих постов министр экономики Я. Шахт, военный министр В. Бломберг, министр иностранных дел К. Нойрат. “Назначение нациста Й. Риббентропа главой МИД, а также отставка трех послов, – писал временный поверенный в делах СССР в Германии Г.А. Астахов, – означает начало гитлеризации аусамта (министерство иностранных дел. – В.С.). Смешно выглядят попытки Шуленбурга и др. объяснить отставку трех послов причинами персонального порядка”. Оценивая эти решения Гитлера, Астахов отмечал: “Смена старых деятелей рейхсвера и аусамта само по себе, разумеется, не сулит нам ничего хорошего”¹⁵.

После захвата Гитлером Австрии Литвинов 17 марта 1938 г. заявил о готовности СССР участвовать в коллективных действиях всех государств, заинтересованных в сохранении мира “с целью приостановить дальнейшее развитие агрессии”, поскольку “в первую очередь возникает угроза Чехословакии”¹⁶.

Не останавливаясь на всех аспектах чехословацкого кризиса, который подробно освещен в соответствующем документальном сборнике¹⁷, обратим лишь внимание на то, что Шуленбург, отстаивая точку зрения Берлина, в беседе с заместителем наркома В.П. Потемкиным 20 августа заявил, что, если британская миссия Ренсимена не добьется успеха, то “могли бы начать действовать факторы не убеждения, а принуждения”. По мнению Шуленбурга, “переход Германии в наступление никак нельзя было бы рассматривать как невызванное нападение на Чехословакию”¹⁸.

29 сентября состоялся Мюнхенский сговор Англии и Франции с Германией по расчленению Чехословакии. Активную поддержку Гитлеру оказало и правительство Польши, потребовав свою долю при разделе Чехословакии, а именно Тешинскую область. Мюнхенская сделка Н. Чемберлена и Э. Даладьё с Гитлером поставила СССР в положение международной изоляции, поскольку как бы возник союз демократических и фашистских государств. Не случайно фашистская печать и отдельные газеты в

¹¹ Там же, с. 262.

¹² Там же, с. 373–374.

¹³ Там же, с. 594.

¹⁴ ДВП. Т. 22. 1939 год, кн. 1. М., 1992, с. 253.

¹⁵ ДВП, т. 21. М., 1977, с. 79–80.

¹⁶ Там же, с. 128–129.

¹⁷ Документы по истории мюнхенского сговора. 1937–1939. М., 1979.

¹⁸ ДВП, т. 21, с. 440.

Лондоне и Париже активно муссировали слухи о предстоящем гитлеровском походе на советскую Украину. Такие планы у Берлина действительно были и о них знали в Лондоне. Но неожиданно для всех Гитлер на новогоднем приеме для дипкорпуса 12 января 1939 г. подошел к советскому полпреду А.Ф. Мерекалову и имел с ним краткую протокольную беседу, сказав, что “ему известно о моем визите к Шуленбургу”¹⁹. Действительно такая встреча имела место в Берлине. Деятельность Шуленбурга, направленная на нормализацию германо-советских отношений, получила неожиданную поддержку на высоком уровне.

Через неделю Мерекалов, ссылаясь на информацию германского МИД, сообщил в Москву, что Шуленбург по пути в СССР из Берлина захватит с собой находящегося в Варшаве заведующего отделом экономической политики германского МИД К.Ю. Шнурре и будет вести в Москве переговоры по расширению взаимной торговли. Но тогда поездка Шнурре так и не состоялась. Переговоры о предоставлении СССР германских кредитов было поручено вести самому Шуленбургу и советнику Г. Хильгеру. Однако две встречи посла с наркомом внешней торговли А.И. Микояном вызвали у него разочарование той сдержанностью, которую проявил нарком. По словам Шуленбурга, его правительство “расположено значительно расширить объем этой торговли”²⁰.

15 марта 1939 г. Германия оккупировала Чехословакию. Нотами от 16 и 17 марта Шуленбург уведомил об этом НКВД СССР. В ответной ноте Шуленбургу от 18 марта 1939 г. Литвинов охарактеризовал действия германского правительства “произвольными, насильственными, агрессивными”²¹.

* * *

Для Шуленбурга как и для всего дипкорпуса было совершенно неожиданным сообщение советской печати об отставке 3 мая 1939 г. М.М. Литвинова и назначении наркомом иностранных дел по совместительству председателя СНК СССР В.М. Молотова. Еще 1 мая Шуленбург видел Литвинова на трибуне Мавзолея во время праздничной демонстрации и вдруг такие перемены. Конечно, он не знал о состоявшемся 21 апреля узком заседании в кабинете Сталина в Кремле о возможной переориентации внешней политики, где был предreshен этот вопрос.

20 мая 1939 г. Шуленбург добился приема его новым наркомом. В состоявшейся беседе посол сообщил о намерении германского правительства направить в Москву Шнурре для экономических переговоров. Нарком на это заявил, что у нас создается впечатление, что германское правительство “ведет своего рода игру”, и что для такой игры следовало бы поискать другого партнера. “Мы пришли к выводу, – констатировал нарком, – что для успеха экономических переговоров должна быть создана соответствующая политическая база”²².

В тот же день Шуленбург посетил заместителя наркома В.П. Потемкина, чтобы выяснить точку зрения советского правительства на отношения двух стран. Он был смущен, заявив, что четыре года стремился улучшить отношения между двумя странами и вот теперь его старания называют “игрой”. Он даже не знает, что сообщить в Берлин о своей беседе с наркомом²³.

Через несколько дней Шуленбург выехал в Берлин. Там он встретился с Риббентропом и другими чиновниками МИД, а 17 июня 1939 г. напросился на беседу к поверенному в делах СССР Г.А. Астахову. Шуленбург, по сообщению Астахова, заявил, что германские намерения в отношении улучшения отношений с СССР достаточно серьезны. С Гитлером он, правда, еще не встречался, но долго разговаривал с Риббен-

¹⁹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы, т. 1–2. М., 1990, т. 1, с. 185–186.

²⁰ Там же, с. 231.

²¹ ДВП, т. 22, кн. 1, с. 203.

²² Там же, с. 386.

²³ Год кризиса, т. 1, с. 483–484.

тропом, который в точности отражает мнение Гитлера. Риббентроп даже задержал его отъезд в Москву на случай, если его захочет повидать фюрер. Беседа продолжалась около часа. Ранее Шуленбург во время своих приездов в Берлин никогда к Астахову не заходил²⁴.

Возвратившись из Берлина, Шуленбург 28 июня 1939 г. добился встречи с Молотовым. Затронув мимоходом вопрос о ликвидации советского торгпредства в Праге, Шуленбург развил свою мысль о необходимости не только нормализации, но и улучшения отношений Германии с СССР, добавив, что это заявление, сделанное им по поручению Риббентропа, получило одобрение Гитлера. Поясняя свою мысль, Шуленбург отметил, что Германия уже дала доказательства своего желания нормализовать отношения с СССР. В качестве примера он указал на сдержанность тона германской печати в отношении СССР, а также на пакты о ненападении, заключенные Германией с Прибалтийскими странами (Латвией и Эстонией), которые он рассматривает как “безвозмездный вклад в дело мира”.

Коснувшись затем торговых переговоров, Шуленбург подчеркнул, что Германия проявила в этом вопросе свою добрую волю, выразив желание послать в Москву К.Ю. Шнурре. В заключении беседы он снова просил “умерить” тон советской прессы, поскольку будто бы “германская пресса ведет себя вполне сдержанно в отношении СССР”²⁵.

3 августа Шуленбург вновь был на приеме у Молотова и, ссылаясь на поручение из Берлина, сказал, что в результате предыдущей беседы и поручения наркома внешней торговли Микояна возобновились экономические переговоры. Германское правительство, заявил он, желает улучшения отношений по трем направлениям: заключение экономического соглашения, улучшение отношений по линии прессы, развитие культурных и научных связей. Посол пытался далее уверить, что между двумя странами нет и политических противоречий. На упоминание наркома об “антикоминтерновском пакте” Шуленбург заметил, что “он не хочет обсуждать прошлый период в германской политике”²⁶.

Как нередко бывает в дипломатии, действующие политики, особенно имеющие диктаторские наклонности, нередко не воспринимают мысли и предложения непосредственных подчиненных, высказанных напрямую, но прислушиваются к ним, если они доходят до них неким окольным путем. Так действовал и Шуленбург, который поделился своими мыслями с коллегой в Москве итальянским послом А. Россо. Вскоре “план Шуленбурга” стал известен не только в Италии, но и в Москве.

В беседе с Шуленбургом 15 августа Молотов, уже получив информацию из Италии о “плане Шуленбурга”, в сущности согласился с ним, не зная, что предложения, изложенные в этом плане лишь соображения самого Шуленбурга, а не полученные им инструкции из Берлина. “План Шуленбурга” включал содействие Германии в урегулировании взаимоотношений СССР с Японией и ликвидации пограничных конфликтов с ней; заключение пакта о ненападении; совместное с Германией гарантирование безопасности Прибалтийских стран; подписание широкого хозяйственного соглашения с СССР²⁷.

Поскольку Молотов воспринял предложения Шуленбурга, тот уже мог спокойно сообщить в Берлин о якобы инициативных шагах Москвы по упомянутым проблемам. Так “план Шуленбурга” стал как бы “планом Молотова”. Только по вопросу приезда Риббентропа в Москву нарком обещал проинформировать его позже. Но в Берлине торопились.

Через два дня, 17 августа, Шуленбург снова посетил наркома. Он зачитал пункты, изложенные Молотовым 15 августа и содержавшиеся в так называемом “плане Шу-

²⁴ ДВП, т. 22, кн. 1, с. 483–486.

²⁵ Год кризиса, т. 2, с. 65–67.

²⁶ ДВП, т. 22, кн. 1, с. 570–572.

²⁷ Там же, с. 606.

ленбурга”, которые будто бы “совпадают с пожеланиями германского правительства”. Посол просил наркома начать незамедлительные переговоры с Риббентропом, который готов прибыть в Москву на этой или следующей неделе²⁸.

19 августа 1939 г. было, наконец, подписано советско-германское кредитное соглашение, согласно которому советские торговые организации получали право давать заказы германским фирмам на 200 млн. германских марок²⁹. После этого путь к заключению пакта о ненападении был открыт. 23 августа 1939 г. Й. Риббентроп прибыл в Москву и в ту же ночь был подписан договор о ненападении между двумя странами, а также секретный протокол о территориально-политическом переустройстве областей, входящих в состав Прибалтийских государств и Польши³⁰.

В частном письме в Берлин Шуленбург писал: “Я был твердо уверен в том, что после заключения пакта с Советским Союзом польский вопрос решится мирным путем”³¹.

Перипетии этих событий и переговоров СССР с Германией, а также с Англией, Францией и с другими странами в этот период подробно изложены в недавно вышедших трудах многих российских ученых³². В данном же очерке хотелось бы ограничиться показом стремления Шуленбурга к налаживанию нормальных дружественных отношений между СССР и Германией.

Великобритания ответила на подписание советско-германского договора о ненападении заключением 25 августа договора о взаимопомощи с Польшей. Но это не остановило Гитлера, который уже определил дату нападения на Польшу – 1 сентября 1939 г. Видимо, Гитлеру было хорошо известно, что настоящей войны из-за Польши не будет. Еще 16 августа 1939 г. сотрудник британского министерства авиации де Ропп дал понять руководителю внешнеполитического отдела нацистской партии А. Розенбергу, что, “когда Германия быстро покончит с Польшей, и, хотя к этому времени война будет объявлена... она будет вестись как оборонительная... Из-за государства, которое практически уже перестало бы существовать... ни Британская империя, ни Германия не поставили бы на карту свое собственное существование”³³.

Согласно плану 1 сентября 1939 г. гитлеровские войска вторглись в Польшу, а 3 сентября 1939 г. Англия и Франция объявили войну Германии. Началась Вторая мировая война. Но военных действий практически не велось. Опасения гитлеровских генералов, что французская армия вторгнется на территорию Германии, не оправдались. Прав оказался упомянутый выше англичанин де Ропп. Началась так называемая “странная война”.

В конце сентября 1939 г. Риббентроп нанес второй визит в Москву. В результате состоявшихся переговоров, в которых с германской стороны участвовал также и Шуленбург, 28 сентября был подписан договор о дружбе и границе между СССР и Германией, а также несколько дополнительных протоколов, включая два секретных³⁴.

Особое значение для будущих отношений между двумя странами имели два письма Молотова на имя Риббентропа. В первом из них говорилось о всемерном развитии экономических отношений между двумя странами. При этом предусматривалось, что СССР будет доставлять Германии сырье, а Германия в свою очередь будет ком-

²⁸ Там же, с. 609.

²⁹ Год кризиса, т. 2, с. 280–291.

³⁰ ДВП, т. 22, кн. 1, с. 630–632.

³¹ *Фляйшхауэр И.* Пакт. М., 1991, с. 320.

³² *Ситолс В.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939–1941. М., 1997; СССР и Германия: 1933 – 1941. Вестник архива Президента Российской Федерации. М., 2009; *Нарочницкая Н.А., Фалин В.М.* Партитура Второй мировой войны. Кто и когда начал войну? М., 2009; “Завтра может быть уже поздно”. Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. МГИМО, 2009; Прибалтика и геополитика. 1935–1945 гг. Рассекреченные документы Службы внешней разведки РФ. М., 2009, и др.

³³ Год кризиса, т. 2, с. 251.

³⁴ ДВП, т. 22, кн. 2. М., 1992, с. 134–137.

пенсировать его промышленными поставками. Во втором оговаривалось облегчение германского транзита из Румынии и в Румынию, из Ирана и в Иран, из Афганистана и в Афганистан, равно как и в страны и из стран Дальнего Востока³⁵. В Москве также предложили еще раз уточнить советско-германскую границу, проходившую по территории Польши, проведя ее по “линии Керзона”, предложенную в 1919 г. Великобританией как границу между СССР и Польшей. 4 октября Молотов и Шуленбург подписали соответствующий Дополнительный протокол³⁶, а на прилагаемой к нему карте Сталин оставил даже свой автограф.

Шуленбург оказался в эпицентре политических событий. Наконец-то он добился того, к чему долго стремился с первых дней своего пребывания в Москве – к установлению дружественных отношений между двумя странами. Он не мог и предположить, что все его усилия будут напрасными, так как у Гитлера были другие планы, сводившиеся к установлению мирового господства.

1939 год закончился под знаком огромного поворота в советско-германских отношениях. Были подписаны соглашения о железнодорожном и воздушном сообщении. Более месяца в Германии находилась советская делегация во главе с наркомом судостроительной промышленности И.Ф. Тевосяном, которая изучала возможности закупки различных станков и оборудования, включая новейшие виды вооружения. Но начавшиеся в октябре советско-германские переговоры по торгово-экономическим вопросам во главе с К.Ю. Шнурре, к которым подключился особоуполномоченный германского правительства по экономическим вопросам К. Риттер, шли трудно. В ночь с 31 декабря 1939 г. на 1 января 1940 г. германскую делегацию принял Сталин. В беседе с советской стороны присутствовали – В.М. Молотов, А.И. Микоян, И.Ф. Тевосян, торгпред Е.И. Бабарин, а с немецкой стороны – Риттер, Шнурре, Шуленбург и советник Г. Хильгер. Сталин провел беседу жестко, хотя и делал некоторые уступки немецкой стороне. Он подчеркнул: “сколько Германия даст, столько и получит”. На замечание Шуленбурга, что “при такой постановке вопроса может приостановиться поставка зерна и нефти”. Сталин заявил: “Иначе сделать нельзя ... Не может быть такого положения, чтобы Советский Союз поставил на 500 млн. марок, а Германия – на 400 млн. марок”³⁷.

11 февраля 1940 г., наконец, были подписаны Хозяйственное соглашение между СССР и Германией³⁸, а также конфиденциальный Протокол о советских закупках цветных металлов и других товаров в третьих странах и о продажах этих металлов и товаров Германией³⁹.

В апреле 1940 г. германские войска неожиданно оккупировали Данию и Норвегию. Гитлер собирался занять и Швецию, но советское правительство дало ясно понять Шуленбургу, что оно было бы против того, чтобы Швецию постигла такая-же участь. Тем более что к тому времени, 17 марта, СССР заключил мир с Финляндией и был заинтересован в сохранении мира на севере Европы.

Гитлер, однако, не остановился на этом, окончательно покончив со “странной войной”. 10 мая германские войска вошли в Голландию и Бельгию, 14 мая прорвали французский фронт, а через месяц вошли в Париж. 22 июня 1940 г. Франция капитулировала.

На фоне этих успехов Гитлер в июле 1940 г. дал задание военным разработать план нападения на Советский Союз. В создавшихся условиях, когда неизмеримо возросла угроза государствам Прибалтики, которые СССР всегда рассматривал, как политический барьер против внешней агрессии, советское правительство по договоренности с правительствами прибалтийских стран приняло решение о вводе советских

³⁵ Там же, с. 137–138.

³⁶ Там же, с. 154–157.

³⁷ ДВП, т. 23, кн. 1, ч. 1. М., 1995, с. 7–10.

³⁸ Там же, с. 80–85.

³⁹ Там же, с. 84–85.

войск в Латвию, Литву и Эстонию. 17 июня 1940 г. Молотов проинформировал об этом Шуленбурга. На замечание наркома, есть ли у него вопросы, Шуленбург ответил, что “он не имеет вопросов и что это дело исключительно только Советского Союза и прибалтийских стран”⁴⁰.

25 июня Молотов проинформировал Шуленбурга о предстоявшей акции, связанной с мирным воссоединением Бессарабии и Северной Буковины с Советским Союзом⁴¹. Здесь уже возникли первые официальные признаки недовольства со стороны германских властей, поскольку советское правительство вдруг заявило о Буковине, а затем о праве участвовать в так называемом “Венском арбитраже” 30 августа 1940 г., где рассматривались территориальные споры между Венгрией и Румынией. Этот вопрос Молотов неоднократно затрагивал в беседах с Шуленбургом, поскольку СССР граничил с обоими государствами. При этом нарком выражал недовольство тем, что германское правительство не выполняет статью 3 договора о ненападении между СССР и Германией, в которой предусматривались консультации двух стран по вопросам, затрагивающим их общие интересы⁴². По решению “Венского арбитража”, как известно, Венгрии были переданы северная и северо-восточная части румынской Трансильвании.

В августе 1940 г. Шуленбургу стало известно о решении Гитлера приступить к разработке плана нападения на Советский Союз. Он был шокирован. После возвращения из Берлина в Москву советника посольства Г. Вальтера, подтвердившего имевшуюся у них информацию, посол вместе с военным атташе Э. Кестрингом и советником Г. Хильгером обсудили этот вопрос и 10 октября подготовили обстоятельную записку, в которой исключали всякую возможность нападения СССР на Германию. “Советский Союз ни в коем случае не осмелится напасть на Германию, – писали они. – В то же время при оборонительной войне... без сомнения весь народ встанет и поддержит правительство... У Сталина только одна цель избежать любого военного столкновения с Германией”⁴³.

Однако начальник генерального штаба Ф. Гальдер, получив 2 ноября эту записку, не принял ее во внимание и распорядился отправить ее исполнителям⁴⁴. Поскольку трудности во взаимоотношениях двух стран нарастали, Шуленбург решил организовать ответный визит Молотова в Берлин. Однако нарком не проявлял особой активности в этом вопросе. Тогда Риббентроп, по совету посла, обратился с письмом на имя Сталина. 17 октября 1940 г. Шуленбург вручил письмо Риббентропа Молотову для передачи Сталину. При этом он обратил внимание наркома на заключительную часть письма, в которой шла речь о созыве конференции четырех держав⁴⁵.

В письме Риббентропа говорилось о необходимости координации политики СССР, Италии, Японии и Германии в долгосрочном плане и подчеркивалось, что “для конкретного обсуждения всех важных проблем германское правительство приветствовало бы визит Молотова в Берлин в ближайшее время”⁴⁶.

19 октября Молотов сообщил Шуленбургу, что официальный ответ Сталина будет дан 21 октября, но уже сейчас он может сказать, что поедет в Берлин сразу же после октябрьских праздников⁴⁷. Одновременно он выразил недовольство вводом германских войск в Румынию и интересовался их количеством, но посол не смог ответить на этот вопрос⁴⁸.

⁴⁰ Там же, с. 353–354.

⁴¹ Там же, с. 374–376.

⁴² Там же, с. 546–547.

⁴³ *Fleischhaur I.* Op. cit., S. 18.

⁴⁴ *Ibid.*, S. 19.

⁴⁵ ДВП, т. 23, кн. 1, с. 680–682.

⁴⁶ Там же, кн. 2, ч. 2. М., 1998, с. 812–813.

⁴⁷ Там же, кн. 1, с. 695–699.

⁴⁸ Там же, с. 695 – 696.

В ноябре 1940 г. Молотов нанес свой первый официальный визит за границу. В Берлине обсуждались многие вопросы с участием Гитлера и Риббентропа, а также с другими деятелями гитлеровской верхушки. Нацистских лидеров, видимо, неприятно поразил вежливый, но независимый тон собеседника, выразившего недовольство присутствием немецких войск в Румынии и особенно в Финляндии.

13 ноября 1940 г. Шуленбург, находившийся в Берлине, по поручению Риббентропа нанес визит Молотову, чтобы еще раз обсудить вопрос о Финляндии. В беседе нарком отметил, что “мы удовлетворены мирным договором с Финляндией”, однако ввод германских войск, по его мнению, может подтолкнуть финское правительство к предположению, что “у СССР и Германии в этом пункте не все гладко”⁴⁹.

В тот день Шуленбург зашел еще раз к Молотову и по поручению Риббентропа сообщил, что “протокол в отношении Финляндии остается полностью в силе”. Нарком потребовал в этой связи сделать практические выводы: “1) вывести германские войска из Финляндии и 2) прекратить как в Финляндии, так и в Германии политические демонстрации, направленные во вред интересам СССР”⁵⁰.

Нацистских лидеров этот тон, видимо, задел. С ними никто так не разговаривал. И хотя в ходе дальнейших переговоров Советскому Союзу было предложено присоединиться к Тройственному пакту Германии, Италии и Японии и даже выделялось общее направление возможной советской экспансии в сторону Персидского залива, обе стороны не придавали этому серьезного значения.

Стремление Шуленбурга как-то смягчить наметившиеся разногласия и побудить Гитлера отказаться от сумасбродной идеи нападения на Россию не увенчалось успехом. 18 декабря 1940 г. Гитлер утвердил план “Барбаросса”, план нападения на СССР.

30 декабря 1940 г. Молотов проинформировал нового полпреда в Германии В.Г. Деканозова о беседах с Шуленбургом и Шнурре относительно переговоров с Германией по поводу передачи “кусочка” литовской территории советской Литве. В конечном счете договорились об уплате Советским Союзом 7,5 млн. долл., что было оформлено соответствующим секретным протоколом⁵¹.

Сам договор между СССР и Германией о советско-германской границе от реки Игорка до Балтийского моря 10 января 1941 г. был подписан Молотовым и Шуленбургом. В тот же день Микоян и Шнурре достигли соглашения о взаимных товарных поставках на второй договорный период согласно Хозяйственному соглашению от 11 февраля 1940 г.⁵² Одновременно первый заместитель наркома А.Я. Вышинский и Шнурре договорились об урегулировании между СССР и Германией взаимных имущественных претензий, относящихся к Литве, Латвии и Эстонии⁵³. Заключение упомянутых соглашений происходило согласно заявлению ТАСС от 10 января 1941 г. “в духе взаимного понимания и доверия в согласии с существующими между СССР и Германией дружественными отношениями”⁵⁴.

Но не прошло и три дня, как 13 января 1941 г. было опубликовано заявление ТАСС, в котором опровергалось сообщение иностранной печати о том, что переброска немецких войск в Болгарию осуществляется с согласия СССР⁵⁵. Сообщая об этом заявлении ТАСС в Берлин 14 января Шуленбург отмечал, что оно было продиктовано тактическими соображениями советской стороны⁵⁶. Когда же Болгария проинформировала СССР о предстоящем вводе германских войск в страну, советское правительство 3 марта 1941 г. заявило болгарскому правительству, что оно не разделяет его

⁴⁹ ДВП, т. 23, кн. 2, ч. 1, с. 54.

⁵⁰ Там же, с. 62.

⁵¹ Там же, т. 23, кн. 2, ч. 2, с. 302–303, 820–821.

⁵² Там же, кн. 2, ч. 1 с. 292–301.

⁵³ Там же, с. 303–306.

⁵⁴ Там же, с. 326.

⁵⁵ Там же, с. 327.

⁵⁶ Там же, кн. 2, ч. 2, с. 821.

мнения относительно мирных целей Германии на Балканах, т.к. эта акция “ведет не к укреплению мира, а к расширению сферы войны и к втягиванию в нее Болгарии”⁵⁷.

Советское правительство продолжало свои усилия по противодействию агрессивным устремлениям гитлеровской Германии. Так, получив информацию о беспокойстве Турции за свою безопасность, Вышинский 9 марта 1941 г. от имени советского правительства заявил: “Турция, опираясь на существующий между нею и СССР пакт о ненападении, может рассчитывать на полное понимание и нейтралитет СССР”⁵⁸.

Тем временем слухи о предстоящей войне Германии против СССР распространились не только в дипкорпусе в Москве, но и за рубежом. 3 апреля 1941 г. Деканозов прислал шифртелеграмму о “слухах” по поводу войны, в которой сообщалось и об анонимных звонках в посольство в Берлине⁵⁹.

4 апреля Молотов пригласил Шуленбурга и проинформировал его о предстоящем заключении 5 апреля договора с Югославией о дружбе и ненападении. На следующий день договор был подписан⁶⁰. В состоявшейся беседе посол, не возражая против самой сути договора, выразил сомнение в выборе момента для его подписания⁶¹. Оказывается посол был неплохо информирован в этом вопросе, так как буквально на следующий день немецкие войска вошли в Югославию, свергли правительство и поставили своих людей, которые сразу же заявили о присоединении Югославии к Тройственному пакту Германии, Италии и Японии.

Советское правительство неоднократно протестовало против нарушения немцами советской границы. Так генеральный секретарь НКВД А.А. Соболев 22 апреля 1941 г. вызвал в НКВД поверенного в делах В. Типпельскирха и в настойчивой форме выразил протест против 80 нарушений немецкими самолетами советской границы за период с 27 марта по 18 апреля 1941 г.⁶² В этой связи он указал, что приземлившийся 15 апреля под Ровно немецкий самолет имел разорванную топографическую карту, фотоаппарат и несколько засвеченных роликов пленки, что было подтверждено командой этого самолета.

13 апреля 1941 г. в Москве был подписан советско-японский пакт о нейтралитете. Видимо, не случайно к всеобщему удивлению провожающих на вокзале на проводы японского министра иностранных дел И. Мацуока прибыли Сталин и Молотов. После отъезда японского министра Сталин подошел к Шуленбургу, обнял его за плечи и сказал: “Мы должны остаться друзьями, и ради этого Вы должны сделать все”.

И Шуленбург пытался предпринять все, что было в его силах. Он сразу же вылетел в Берлин и представил руководству германского МИД меморандум о целесообразности развития стабильных взаимоотношений с Советским Союзом⁶³. Записка Шуленбурга об экономических последствиях для Германии предстоявшей войны против СССР дошла до Гитлера. Поэтому он решил 28 апреля побеседовать с послом. Но оказалось, что Гитлер давно уже разучился слушать. Прошли мимо его ушей и разумные вещи, исходившие от посла. Он был весь во власти своих завоевательных идей. Нормальной беседы не получилось⁶⁴.

Шуленбург, не сумев убедить Гитлера, решился на крайний шаг – подвигнуть руководителей Советского Союза что-то срочно предпринять, чтобы предотвратить неизбежную войну Германии против СССР. Толчком к этому послужило следующее обстоятельство. Во время первомайской демонстрации 1941 г. Шуленбург увидел

⁵⁷ Там же, с. 448.

⁵⁸ Там же, с. 465.

⁵⁹ Там же, с. 508. См. также: *Соколов В.В.* Новые данные о подготовке германского вторжения в СССР в 1941 г. – Новая и новейшая история, 2000, № 1.

⁶⁰ ДВП, т. 23, кн. 2, ч. 2, с. 522–523.

⁶¹ Там же, с. 518–520.

⁶² Там же, с. 605.

⁶³ Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie D, Bd.XII. 2, S. 550–551.

⁶⁴ Ibid., S. 555–557.

советского посла в Германии Деканозова, стоявшим на трибуне Мавзолея рядом со Сталиным, что свидетельствовало, по его предположениям, об их близости. Поэтому он решился встретиться с Деканозовым. Беседа состоялась 5 мая 1941 г. в здании германского посольства. Шуленбург заявил, что «слухи о предстоящей войне Советского Союза с Германией являются “взрывчатым веществом” и их надо пресечь... Источник слухов не имеет значения. Со слухами нужно считаться как с фактом»⁶⁵. Считать “слухи” фактом! Такое заявление выглядело, по меньшей мере, наивным.

К сожалению, этот личный и не лишенный смелости поступок Шуленбурга не был понят в Кремле. Советские руководители не могли даже себе представить, чтобы посол гитлеровской Германии мог действовать самостоятельно, а не по указке нацистских руководителей. Деканозов доложил о состоявшейся беседе Сталину и Молотову, но те восприняли этот порыв германского посла, как официальный зондаж. Деканозов еще дважды встречался с Шуленбургом 9 и 12 мая, но никаких действий с советской стороны не последовало, хотя Шуленбург предупреждал: “надо действовать быстро”, “ибо это дело, мол, очень спешное”⁶⁶.

Стремление Шуленбурга как-то побудить советских вождей что-то предпринять, чтобы избежать войны, было воспринято как очередная дезинформация по запугиванию Москвы в преддверии новых переговоров. Об этом свидетельствует телеграмма американского посла Л.А. Штейнгардта в Вашингтон 5 мая 1941 г., в которой говорилось: «Я узнал из надежного источника, что Сталин недавно заявил одному лицу, что он не ожидает нападения Германии или войны с Германией в этом году и что он предвидит “удовлетворительные” переговоры с Германией»⁶⁷.

Теперь мы знаем о выступлении Сталина в тот же день, 5 мая 1941 г., перед выпускниками военных академий Красной Армии, в котором он говорил: “В 1870 году немцы разбили французов. Почему? Потому что они дрались на одном фронте. Немцы потерпели поражение в 1916 – 1917 годах. Почему? Потому что они дрались на два фронта”⁶⁸.

Но просчет Сталина состоял в том, что в 1941 г. положение в Европе изменилось. Еще в 1940 г. Франция была повержена, а английская армия была за Ла-Маншем. Никакого “второго фронта” в Европе не существовало. Обстановка с каждым днем становилась все тревожней. На советскую ноту от 21 апреля о нарушениях советской границы немецкими самолетами правительство Германии не ответило. 21 июня Молотов пригласил к себе Шуленбурга и вручил ему ноту, в которой говорилось, что нарушения советской границы германскими самолетами “приняли систематический характер, достигнув... 180 случаев” за период с 19 апреля по 19 июня. Затем нарком спросил посла об общей обстановке в советско-германских отношениях, отметив, в частности, отъезд из Москвы сотрудников германского посольства и их жен, распространение в острой форме слухов о близкой войне между СССР и Германией. “Чем вызвано недовольство Германии в отношении СССР?”⁶⁹ – спрашивал Молотов.

Шуленбург согласился с резонансностью поднятых вопросов, но признался, что не в состоянии на них ответить, так как “Берлин его совершенно не информирует”. Но это была отговорка. У посла не нашлось мужества сказать правду и его, видимо, заботили больше только ложно понятые “интересы Германии”, хотя они и исходили от гитлеровской клики.

22 июня 1941 г. гитлеровские войска вторглись в СССР.

В этот день, в 5 час. 30 мин. утра, Шуленбург явился на прием к Молотову в сопровождении советника Хильгера и вручил ноту, когда немецкие самолеты уже бомбили советские города и села. Посол сказал: “Это начало войны”. В течение

⁶⁵ ДВП, т. 23, кн. 2, ч. 2, с. 654–657.

⁶⁶ Там же, с. 664–667, 675–677.

⁶⁷ Там же, с. 830.

⁶⁸ Там же, с. 650.

⁶⁹ Там же, с. 751–753.

6 лет Шуленбург добивался дружественных отношений между СССР и Германией, но против судьбы он ничего не мог поделать.

Шуленбург просил отнестись возможно лояльнее к проведению эвакуации германских граждан и заверил, что сотрудники советских учреждений в Германии встретят такое же отношение⁷⁰. Вместе с тем, зная характер действий нацистских заправил, Шуленбург заранее предупреждал германский МИД 7 мая 1941 г., чтобы в случае войны “сотрудники советского посольства, советских консульств и советских торговых представительств в Германии были подвергнуты по возможности предупредительному обхождению”⁷¹. Однако его не послушались. Если сотрудники посольства, работавшие и жившие в самом здании советского посольства, оказались более менее в сносном положении, то работники торгпредства, инженеры – приемщики, представители печати оказались в сложной ситуации: их избивали, бросали в специальные лагеря и даже тюрьмы. Об этом оставили свои воспоминания бывшие работники дипломатической службы в серии сборников МИД под названием “Дипломаты вспоминают”⁷².

Несколько другое обхождение было с немецкими дипломатами в Москве. В справке-отчете от 27 июля 1941 г., составленной заведующим отделом В.Н. Павловым, отмечалось: “Сотрудники германского посольства были интернированы 23 июня 1941 г. во второй половине дня. На следующий день 24 июня германская колония в количестве 240 человек, включая посла Шуленбурга, была отправлена поездом в окрестности Костромы, где всех разместили в одном из лучших домов отдыха Костромского льнокомбината. 28 июня советская сторона сообщила послу Шуленбургу, что все будут отправлены в Ленинанкан (ныне г. Гюмри) на границе с Турцией для обмена на советских дипломатов. Маршрут движения пролегал через Москву и Харьков. Поезд, в котором перевозились немецкие дипломаты и члены их семей, состоял из одного международного вагона, одного мягкого, трех жестких вагонов и вагона-буфета, который прицепили в Харькове. Заявки на продукты подавали Шуленбург, Хильгер и Вальтер. Они же занимались распределением продуктов. Ежедневно посол получал и читал советские газеты... Шуленбург и еще несколько его коллег выразили благодарность сопровождавшим их сотрудникам за проявленное к ним отношение”⁷³.

Шуленбург с тяжелым сердцем покидал пределы России. Казалось, он сделал все возможное, чтобы избежать военного конфликта. Ведь о предстоявшем нападении на Россию он знал уже давно. Но в отличие от сил, группировавшихся вокруг Х.Шульце-Бойзена и А. Харнака, которые активно боролись против гитлеровского режима и уже в октябре 1940 г. сообщили в Москву, что “в начале будущего года Германия начнет войну против Советского Союза”, он в силу своей принадлежности к правящей элите не мог вести себя как представители “Красной капеллы”⁷⁴.

Оказавшись в Анкаре после обмена сотрудниками советского и германского посольств на советско-турецкой границе, Шуленбург 13 июля посетил своего давнего знакомого, германского посла в Турции Ф. Папена. В состоявшейся доверительной беседе оба они признали, что война “не имеет никакого политического или военного оправдания”. И хотя Папен слыл в московских кругах ярым антисоветчиком, но даже он признавал, что советское правительство “стремилось избежать малейшего повода для упрека с немецкой стороны”⁷⁵.

Возраст и болезнь, а также несогласие с политикой Гитлера давали Шуленбургу основание для выхода в отставку. Однако он не пошел на поводу своих эмоций и разочарований, хотя и понимал, что его обманули, не раскрыв всех планов германского

⁷⁰ Там же, с. 753–754.

⁷¹ Там же, с. 830.

⁷² Дипломаты вспоминают. Мир глазами ветеранов дипломатической службы, т. 10. М., 2002.

⁷³ Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ), ф. 82, оп. 25, п. 89, д. 35, л. 11–12.

⁷⁴ Известия ЦК КПСС, 1990, № 4, с. 202–203.

⁷⁵ *Fleischhauer I.* Op. cit., S. 62.

правительства в отношении государства, в котором он был аккредитован. С другой стороны, ему, видимо, льстило определенное доверие Берлина. Он еще надеялся, что может оказаться полезным в будущих отношениях с Советским Союзом. Ведь его 22 июня 1941 г., когда он еще был в Москве, назначили руководителем политического отдела XIII (Россия) и председателем созданной в мае 1941 г. в структуре МИД коллегии по России. Конечно, он скоро увидел, что в условиях мировой войны и растущей в мире изоляции Германии резко упало значение германского МИД, а тем более отдела по России. В Берлине возрастала роль Восточного министерства, возглавлявшегося одним из нацистских идеологов А. Розенбергом и осуществлявшего карательные акции и грабежи на оккупированной территории СССР.

Шуленбург был далек от этого. Ему претило все, что приносило людям горе. Он, аристократ, христианин и гуманист по воспитанию и убеждениям не воспринимал крайности нацистов, равно как и действия антинацистских групп, хотя, по признанию самого Г. Геринга, организация “Красная капелла”, например, вывела из строя по меньшей мере 10 германских дивизий⁷⁶.

Он не входил в антинацистскую организацию военных под условным названием “Черная капелла”, объединявших немецких генералов – Г. Клюге, Э. фон Вицлебен, Л. Бек, К.Г. Штюльпнагель и др. Причем некоторых из них он хорошо знал. Примкнул к этой организации и начальник управления разведки и контрразведки (“абвера”) Ф.В. Канарис, решивший через свои каналы попытаться установить связь с представителями Москвы. Этому способствовало сообщение агентства Гавас 11 сентября 1942 г. о готовности СССР к миру⁷⁷. Он направил в Стокгольм своего агента Э. Клауса, через которого якобы можно было установить контакт с советской дипломатической миссией в Швеции. Шуленбург поддерживал все такие шаги, направленные на прекращение войны.

В начале декабря 1942 г. ближайший сотрудник Риббентропа П. Кляйст, которого Шуленбург знал по Москве и не симпатизировал ему, поскольку он был тесно связан с абвером, прибыл в Стокгольм. У него 6 декабря состоялся разговор с высокопоставленным шведом, высказавшим идею о необходимости капитуляции Германии на Западе с тем, чтобы “иметь возможность сдержать фронт на Востоке”. По его словам, Кляйст отверг эту идею как “совершенно недискутабельную”, поскольку в Европе в то время не было ни американских, ни английских войск, перед которыми можно было бы капитулировать⁷⁸.

К тому же после обсуждения этого вопроса в узком составе доверенных лиц в германском МИД пришли к выводу, что западные державы использовали бы капитуляцию для ликвидации ведущего положения Германии в Европе. Отсюда у оппозиционных сил возникла надежда на возможность сепаратного соглашения с Советским Союзом в целях сохранения единства Германии.

Адмиралу Канарису удалось ловко использовать эту готовность к миру не только со стороны оппозиционных, но и правительственных кругов Германии (министерства иностранных дел и некоторых руководителей абвера), прибегнув к услугам своего агента в Стокгольме Э. Клауса в качестве посредника для контактов с советской дипломатической миссией в Швеции.

14 декабря 1942 г. Кляйст встретился с Клаусом, который заверил его, что советская сторона готова искать перемирие с Германией и как можно скорее покончить с войной, принесшей громадные жертвы. “Я гарантирую Вам, – сказал Клаус, – что, если Германия согласится на границу 1939 г., Вы сможете получить мир через восемь дней”⁷⁹.

Кляйст уклонился от обсуждения данной темы, заявив, что он выступает по личной инициативе. По возвращении же в Берлин он беседовал с некоторыми из своих коллег,

⁷⁶ Война и общество. 1941–1945, кн. 2. Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2004, с. 373.

⁷⁷ *Fleischhauer I.* Op. cit., S. 101.

⁷⁸ *Kleist P.* Die Europäische Tragödie. Göttingen, 1961, S. 209.

⁷⁹ *Ibid.*, S. 211.

в том числе с Шуленбургом, советником МИД Адамом фон Тротт цу Зольц и другими и убедился в том, что к посреднической миссии Клауса проявляется большой интерес. В этой связи Шуленбург даже выразил готовность выехать в Стокгольм и встретиться с советским посланником А.М. Коллонтай, которую знал лично. Но Риббентроп, попытавшийся рассказать Гитлеру о миссии Кляйста, получил такой нагоняй, что он даже не осмелился заикнуться о предложении Шуленбурга⁸⁰.

По мере того как Шуленбург и его единомышленники все больше осознавали, что планы гитлеровской молниеносной войны против СССР после поражения германских войск под Москвой провалились, они стали задумываться о будущем. В декабре 1942 г., когда немецкие войска оказались окруженными под Сталинградом, Шуленбург сблизился с некоторыми активными противниками Гитлера, входившими в “Крайзауэрский кружок”, возглавляемый экспертом по правовым вопросам при Верховном главнокомандовании германских вооруженных сил графом Дж. фон Мольтке. В кружок входили некоторые сотрудники МИД, в частности Адам фон Тротт цу Зольц, Х.Б. фон Хефтен, Б.Ш. фон Штауффенберг, социал-демократ Ю. Лебер и др. Но скоро через “Крайзауэрский кружок” Шуленбург вышел на более представительную организацию “Кружок Гёрделера”, возглавлявшимся бывшим бургомистром г. Лейпцига К.Ф. Гёрделером, и ориентировавшимся на Великобританию. В этом кружке была представлена армия в лице генерала Л. Бека и хозяйственные круги в лице промышленника Р. Боша, а также дипломаты – посол в Риме У. фон Хассель и племянник Шуленбурга – Ф.Д. Шуленбург и др.

Основной целью этого кружка была разработка и осуществление принципов государственного устройства Германии после Гитлера, выход Германии из войны и достижение мира. Сам Гёрделер стремился к установлению конституционной монархии, в которой намеревался занять кресло рейхсканцлера. Пост министра иностранных дел в своем будущем правительстве он предполагал предложить Ф. Шуленбургу или У. Хасселю.

Но легко было делить министерские портфели, сложнее было решать вопрос о том, как устранить Гитлера. Очередное покушение на Гитлера в 1943 г. не состоялось, так как заложенная в самолет бомба не взорвалась. Шуленбург, видимо, уже не имел возможности внимательно следить за советской печатью, так как он иначе бы знал о приказе Верховного главнокомандующего Сталина от 1 мая 1943 г., в котором говорилось: “... Кризис в лагере фашистов выражается, во-вторых в том, что фашисты начинают все чаще поговаривать о мире... Ясно, что не от хорошей жизни болтают немцы о мире... Но о каком мире может быть речь с империалистическими разбойниками из немецко-фашистского лагеря, залившими кровью Европу и покрывшими ее виселицами?”⁸¹.

Шуленбург, проявив личное мужество, заявил своим соратникам о готовности пересечь на немецком военном автомобиле с белым флагом линию советско-германского фронта, чтобы затем попасть к Сталину, которого знал лично, и поставить его в известность о готовности германской оппозиции заключить мир. Однако в октябре 1943 г. уже после Курской битвы, когда немецкие войска были отброшены на рубеж Киев – Орша – Витебск, командование группы армий “Центр” не пошло на осуществление договоренности с оппозицией⁸².

Именно в эти дни, 15 сентября 1943 г., Молотов дал указание временному поверенному в делах СССР в США А.А. Громыко проинформировать госсекретаря США К. Хэлла о попытке японского зондажа относительно “посредничества между СССР и воюющими с ним странами в целях подготовки почвы для перемирия или мира с ними”. 16 сентября Громыко выполнил это поручение, заявив Хэлли, что “Советское

⁸⁰ *Fleischhauer I. Op. cit., S. 111.*

⁸¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. I. М., 1946, с. 99.

⁸² *Fleischhauer I. Op. cit., S. 204.*

правительство считает возможность перемирия или мира с гитлеровской Германией и ее сателлитами в Европе совершенно исключенной”⁸³. И в последующие дни НКВД информировал союзников обо всех немецких мирных зондажах. Так, 12 ноября 1943 г., нарком направил послам Великобритании и США в Москве А. Керру и А. Гарриману ноты⁸⁴, в которых говорилось о “мирных шагах” немцев в Стокгольме: “Сотрудник советской миссии... – писал нарком, – ответил Клаусу, что ни о каких переговорах или контактах советских представителей с немцами не может быть и речи”⁸⁵.

20 июля 1944 г. давно планировавшееся военной оппозицией покушение на Гитлера совершилось. Но Гитлер остался жив. Главный исполнитель этой акции полковник К. Штауффенберг, заложивший бомбу рядом с Гитлером в его ставке “Вольфшанце”, был в тот же день схвачен. Начались аресты. Было арестовано более 7 тыс. человек.

Шуленбург, не был посвящен в конкретные действия по подготовке покушения на Гитлера. Поэтому его арестовали не сразу. Только после того, как гестапо обнаружило “меморандум” в бумагах руководителя их кружка Гёрделера, в котором излагались планы на будущее устройство Германии после устранения Гитлера, а также список фамилий кандидатов на самые важные посты в будущем постгитлеровском правительстве, Шуленбурга 19 октября задержали, а 20 октября он был отстранен от государственной службы.

В германском МИД не была сделана даже робкая попытка как-то спасти Шуленбурга. Только известный нацист, начальник Главного управления имперской безопасности Э. Кальтенбруннер попытался обратиться с соответствующей просьбой к министру иностранных дел Риббентропу, но тот не стал ходатайствовать за Шуленбурга, сказав, что это дело генерального прокурора. 23 октября 1944 г. гитлеровский так называемый “Народный трибунал” приговорил Шуленбурга к унижительной для аристократа смертной казни через повешение. 10 ноября 1944 г. Шуленбург был казнен во дворе берлинской тюрьмы Плётцензее, пережив лишь на пять месяцев свою любовь Аллу фон Дуберг, казненную по доносу в мае того же года.

В наше время отношение к Шуленбургу как политическому деятелю и дипломату, стремившемуся всеми силами к самому широкому развитию дружественных российско-германских отношений, остается в целом положительным. Не все зависело от него в нацистской Германии. Дипломатия, как известно, искусство возможного. И Шуленбург пытался осуществить все возможное в тех условиях, что служило благом двух народов. Не будем оценивать, много или мало он сделал на этом пути. Но важно, что он был против нацистской тирании, выступал как поборник мира и согласия в отношениях между нашими странами.

⁸³ АВП РФ, ф. 059, оп. 10, п. 19, д. 150, л. 53.

⁸⁴ Там же, ф. 6, оп. 5, п. 19, д. 189, л. 36–37.

⁸⁵ Там же, ф. 06, оп. 5, п. 30, д. 344, л. 1–2. Более подробно о попытках немцев установить контакт с советской миссией в Стокгольме см.: *Соколов В.В., Фетисов И.В.* Быль и небыль о тайных советско-германских контактах в Стокгольме в период войны. – *Международная жизнь*, 1992, № 1, с. 128–137.